

Телефоны обоих разрывались от непрерывных звонков. Ван Жуйчжи со вчерашнего вечера набрала их уже десятки раз; не свяжись они сейчас, она бы точно заявила в полицию. Цяо Юаньлинь принял звонок и соврал, что засиделся у одноклассника за видеоиграми, сумев успокоить старушку.

Снова позвонила Ин Сяоцун и спросила, куда делся «Цзиньбэй». Потрепанный подержанный мотоцикл всю ночь мок под дождем возле уличных лотков, и Лян Чэн собирался отвезти их на техобслуживание вместе.

— Не нужно, — обыденным тоном ответил Лян Чэн. — Сдай мотоцикл на металлолом.

В трубке на несколько секунд воцарилось молчание, а затем Ин Сяоцун спросила, что это значит. Лян Чэн, ведя машину одной рукой, другой с силой потер переносицу, но ответил совсем тихо:

— Больше не буду ездить.

Не дожидаясь расспросов Ин Сяоцун, Лян Чэн повесил трубку. В салоне было душно и тоскливо. Он включил магнитола, но оттуда полились старые, набившие оскомину песни. Лучше бы вообще не включал.

Цяо Юаньлинь вдруг сказал:

— Я хочу послушать.

Уткнувшись лбом в оконное стекло, слегка вздрагивавшее на неровностях дороги, он время от времени что-то напевал под нос, путая и ритм, и мотив. Сначала негромко прозвучало: «Встретились беспечный ты и юный, глупый я...», затем, после недолгой паузы: «Легко расстаться, но как трудно встретиться вновь...» На самом деле он и сам не понимал, была ли это «Красная пыль» или «Круговорот красной пыли».

Так они и ехали всю дорогу. Вернувшись на улицу Чанлинь, Лян Чэн высадил Цяо Юаньлиня у входа в переулок, а сам поехал возвращать машину Ин Сяоцун.

Цветы и трава на балконе наполовину завяли, на кустике байгоуха сиротливо покачивалось всего несколько листочков. Цяо Юаньлинь принял душ, выпил лекарство и, свернувшись на кровати, невидящим взором уставился на тест по биологии.

Улица Цзисян выглядела пугающе безлюдной. Проливной дождь разогнал вчерашний ночной рынок, и торговцы, едва успев открыться, в спешке и суматохе свернули лавки.

Ин Сяоцун жила в жилом комплексе неподалеку. Лян Чэн поднялся к ней, вернул ключи от машины, но заходить не стал и ничего объяснять тоже. Мотоцикл стоял у подъезда. Он подозревал первого попавшегося старьевщика и продал его за бесценок, почти даром.

Погода все не прояснялась, солнце пряталось где-то на задворках неба, словно набивая себе цену. Лян Чэн бесцельно брел куда глаза глядят. Пройдя три улицы, он купил пачку сигарет. Чжэн Яньдун был прав: никотин действительно перебивает любые другие запахи. Оказалось, он к тому же помогает заглушить путаницу в мыслях.

Сам не заметив как, он дошел до больницы матери и ребенка. Лян Чэн вошел в здание и по указателям поднялся на этаж акушерства и гинекологии. В коридоре было много беременных женщин, поэтому двадцатилетний парень сразу привлекал к себе внимание.

— Доктор Хэ! — крикнул стажер, вбегая в один из кабинетов.

Лян Чэн остановился у двери, заглянул внутрь и сразу ушел.

После того происшествия Хэ Цзе восстанавливалась больше полугода, а затем перевелась из прежней больницы сюда. Излечилась ли ее душевная рана, Лян Чэн не знал. Проходя мимо ящика для отзывов и предложений на стене, он остановился, оторвал листок из блокнота и опустил его внутрь.

Без подписи, там было написано лишь: «Доктор Хэ, начните новую жизнь».

Выйдя из больницы, Лян Чэн сел в автобус. Он не посмотрел ни на номер маршрута, ни на остановки, а когда за окном замелькала знакомая улица, просто вышел. Он усмехнулся: неудивительно, что она казалась такой знакомой — это ведь была улица Нинюань.

Три года назад он встретил здесь Цяо Юаньлиня. Под каким именно деревом — он уже не помнил. Тоже было лето, и цветы, кажется, пахли особенно сладко.

На самом деле, чтобы добраться до Седьмой школы, этой дорогой ходить не следовало. Но он время от времени делал крюк, чтобы пройти мимо больничного корпуса в конце улицы. Больница Жотань была частной. Ему очень нравился высеченный на здании девиз: «Милосердие подобно глубокому омуту — чистейшему и глубочайшему».

Около больницы всегда торговали цветами и сувенирами. Перед одной из витрин, уставленной мягкими игрушками всех размеров, Лян Чэн невольно остановился.

Он впервые в жизни зашел в подобный магазин. Засунув руки в карманы, он маскировал растерянность напускной холодностью. Продавец предлагал самые ходовые товары, но Лян Чэн оставался недоволен: классику Диснея он счел слишком детской, а персонажей из фильмов назвал нелепыми.

Изрядно попривередничав, он наконец спросил:

— А у вас есть... такие куклы?

Когда он вернулся в переулок Ваньпин, небо наконец прояснилось.

Лян Чэн принял душ и переоделся. Он задвинул ящик письменного стола — больше запирать его не придется. В дверь постучали, и вошел Цяо Юаньлинь со своим тестом в руках.

Оба выглядели опрятно и свежо, словно вчерашний кошмар и неприглядность ночи были похоронены глубоко в душе. Лян Чэн помогал Цяо Юаньлиню с домашним заданием. Должно быть, это был их последний раз, поэтому он говорил очень медленно.

Закончив объяснения, Лян Чэн достал папку и по порядку сложил туда график дежурств, проверенные отчеты, отзывы студентов... На двух чистых листах бумаги он написал заявление об увольнении.

Цяо Юаньлинь тихо произнес:

— Ты действительно уезжаешь.

— Да, — прямо ответил Лян Чэн. — Закончу с делами и съеду отсюда.

Цяо Юаньлинь хрипло спросил:

— Разве нельзя остаться еще на немного?

Лян Чэн подумал про себя, что даже щенок сообразительнее Цяо Юаньлиня. Тот уже прекрасно знал, что за человек перед ним. Лян Чэн приготовился к неприязни и даже презрению, но Цяо Юаньлинь упрямо пытался его удержать.

— Все равно рано или поздно придется уйти, — ответил он.

Знай он это раньше, то сразу бы ушел тогда, на перроне.

Через четыре дня Лян Чэн уладил все дела. Вернувшись после поездки в Дэсинь, он увидел, что ателье ципао закрыто. Свернув к боковой стороне здания, он заметил Цяо Юаньлиня, который сидел под навесом у входа в наушниках.

Ван Жуйчжи ушла на примерку пробного платья к Линь Чэнби, так что они остались вдвоем. Цяо Юаньлинь предложил:

— Брат, давай я угощу тебя обедом?

— Прощальный ужин? — Лян Чэн остановился на ступеньках. — Нас уже пригласили, так что от тебя требуется только прийти.

Уличная закусочная сегодня не работала для обычных посетителей. Посреди нее стоял единственный накрытый стол, выглядевший торжественно и приметно: Ин Сяоцун устраивала для Лян Чэна проводы.

Ин Сяоюй тоже была там. Она грациозно стояла у дороги и звонила Лао Сы. Стоило ей набрать номер, как тот покачиваясь выкатился на велосипеде, везя на багажнике огромный ящик с морепродуктами.

— Ну и копуша! — Ин Сяоюй уперла руки в тонкую талию. — Если бы ты опоздал еще немного, нам пришлось бы жарить углекислый газ вместо еды?

Лао Сы начал разгружать багаж:

— Ой, сестрица Юй, я же тщательно все выбирал! Да и заправку можно было начать обжаривать заранее!

Ин Сяоцун, повязывая фартук, сама вовсю хозяйничала у плиты. Она прикрикнула:

— По мне, так ты сам вылитая заправка! Вечно копаешься. И зачем только деньги на этот твой «Луи Виттон» тратил? Все спустил, а теперь на ржавом велике катаешься!

— А как бы я пил, если бы на машине приехал? — возразил Лао Сы.

Эта шумная суета напоминала любой другой оживленный вечер. Цяо Юаньлинь вышел из машины вслед за Лян Чэном, глубоко вдохнул и изо всех сил постарался казаться таким же беззаботным, как и все остальные.

Но Ин Сяоцун обожала поддразнивать его. Она крикнула на всю улицу:

— Студент Цяо, Лян Чэн уезжает, неужели тебе не жаль его отпускать?

Цяо Юаньлинь ответил невпопад:

— Я помогу расставить посуду.

Ин Сяоцун лишь прицокнула языком и покачала головой, ловко встряхнув вок, отчего над ним взметнулись языки пламени. Лян Чэн подошел ближе, засунув руки в карманы, взял головку чеснока и принялся чистить.

— Ин Сяоцун, не шути так больше, — негромко сказал он.

Ин Сяоцун с силой стукнула лопаткой по краю сковороды и призналась:

— Да, я делала это нарочно, раз за разом! Хотела, чтобы этот мальчишка удержал тебя, чтобы ты наконец отпустил себя. Когда ты сидел, ты каждый день... Он ведь и есть тот самый узел, та самая зацепка!

Лян Чэн положил очищенный чеснок на разделочную доску и тихо произнес:

— Я уже отпустил себя.

Ин Сяоцун даже жарить перестала. Она уставилась на него, пытаясь понять, правду ли он говорит. В этот момент к ним подкатил «Лексус», и из машины вышел Чжэн Яньдун с подставкой на шесть стаканов «Старбакса».

Лао Сы поинтересовался:

— Это еще что за курьер?

— Черт, — усмехнулся Чжэн Яньдун. — Я школьный друг Лян Чэна. Раз уж у вас тут ужин, решил купить всем чего-нибудь попить.

Ин Сяоцун проворчала под нос:

— Да кто, блин, пьет кофе за ужином.

Чжэн Яньдун услышал это и уже собрался было съязвить в ответ, но его ослепил вид ярко-зеленой рубашки Ин Сяоцун и ее массивной золотой цепочки.

Все вокруг были старыми знакомыми. Цяо Юаньлинь остро чувствовал, что Лян Чэн действительно уходит. Он не умел отпускать шуточки и не мог вести непринужденную беседу, поэтому просто сидел в сторонке, чтобы не портить остальным настроение.

Его телефон звякнул: Лян Чэн прислал ему письмо. В нем был подробно составленный конспект по биологии, охватывающий все темы и типы экзаменационных вопросов.

Лян Чэн подошел и сказал:

— Сделал за последние несколько дней, чуть не забыл отправить.

— Это прощальный подарок? — спросил Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн ответил:

— Можешь подтянуть по нему учебу, а можешь удалить, если память на телефоне жалко.

Решай сам.

— Тогда я его распечатаю, вставлю в рамку и повешу у кровати, — выдавил из себя шутку Цяо Юаньлинь и, прикрываясь ею, тихо добавил: — Мне... очень не хочется, чтобы ты уезжал.

Лян Чэн сделал вид, будто не расслышал, и повернулся, чтобы уйти.

Цяо Юаньлинь спросил ему вслед:

— Куда ты поедешь, когда покинешь Пинхай?

У Лян Чэна не было четкого плана — куда ветер занесет, туда и ладно. Решив уехать, он просто купил первый попавшийся билет. Он ответил:

— В Пекин.

Ужин проходил под открытым небом. Шесть человек теснились за одним столом. Никто из них не удивлялся происходящему: все знали, через что прошел Лян Чэн, и понимали, что рано или поздно он покинет это место, принесшее ему столько боли.

Цяо Юаньлинь сидел рядом с Лян Чэном. Он почти все время молчал и то и дело украдкой поглядывал на его профиль. Когда они сидели за письменным столом над домашней работой, когда делали лабораторные опыты или когда Лян Чэн наклонялся к нему, разговаривая на мотоцикле — он всегда видел его именно под этим углом.

Погруженный в свои мысли, он на автомате отставил газировку и потянулся к стоящему на столе пластиковому стакану. Но Лян Чэн, хотя и разговаривал в этот момент с Лао Сы, словно затылком почувствовал его движение и перехватил его руку, заметив, что в стакане налито пиво.

Цяо Юаньлинь тихо произнес:

— Я просто хочу попробовать.

<http://bllate.org/book/18284/1753057>